ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В. О. Ключевский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Преподавателям слово дано не для того, чтобы усыплять свою мысль, а чтобы будить чужую» – в этом афоризме выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского выразилось его собственное научное кредо. Ключевский был замечательным лектором: чеканность его формулировок, интонационное богатство, лаконичность определений завораживали студентов. Литографии его лекций студенты зачитывали в буквальном смысле до дыр.

«Исторические портреты» В.О.Ключевского – это блестящие характеристики русских князей, монархов, летописцев, священнослужителей, полководцев, дипломатов, святых, деятелей культуры.

Издание основывается на знаменитом лекционном «Курсе русской истории», который уже более столетия демонстрирует научную глубину и художественную силу, подтверждает свою непреходящую ценность, поражает новизной и актуальностью.

- Василий Осипович Ключевский
  - Царь Федор

Василий Осипович Ключевский

Царь Федор

Царь Феодор Иоаннович.
С изображения XVI в., хранящегося в Московском Историческом музее

Начало Смуты. Но прежде чем совершилось это воцарение, Московское государство испытало страшное потрясение, поколебавшее самые глубокие его основы. Оно и дало первый и очень болезненный толчок движению новых понятий, недостававших государственному порядку, построенному угасшею династией. Это потрясение совершилось в первые годы XVII в. и известно в нашей историографии под именем Смуты или Смутных времен, по выражению Котошихина. Русские люди, пережившие это тяжелое время, называли его, и именно последние его годы, «великой разрухой Московского государства».

Признаки Смуты стали обнаруживаться тотчас после смерти последнего царя старой династии, Федора Ивановича. Смута прекращается с того времени, когда земские чины, собравшиеся в

Москве в начале 1613 г., избрали на престол родоначальника новой династии, царя Михаила. Значит, Смутным временем в нашей истории можно назвать 14–15 лет с 1598 по 1613 г. 14 лет в этой эпохе «смятения» Русской земли считает и современник, келарь Троицкого монастыря Авраамий Палицын, автор сказания об осаде поляками Троицкого Сергиева монастыря. Прежде чем перейти к изучению IV периода, мы должны остановиться на происхождении и значении этого потрясения. Откуда пошла эта Смута или эта «московская трагедия» (tragoedia moscovitica), как выражались о ней современники-иностранцы. Вот фабула этой трагедии.

Конец династии. Грозный царь Иван Васильевич года за два до своей смерти, в 1581 г., в одну из дурных минут, какие тогда часто на него находили, прибил свою сноху за то, что она, будучи беременной, при входе свекра в ее комнату оказалась слишком запросто одетой. «Simplici veste induta», – как объясняет дело иезуит Антоний Поссевин, приехавший в Москву три месяца спустя после события и знавший его по горячим следам. Муж побитой, наследник отцова престола царевич Иван, вступился за обиженную жену, а вспыливший отец печально удачным ударом железного костыля в голову, положил сына на месте. Царь Иван едва не помешался с горя по сыну, с неистовым воплем вскакивал по ночам с постели, хотел отречься от престола и постричься; однако, как бы то ни было, вследствие этого несчастного случая преемником Грозного стал второй его сын, царевич Федор.

Царь Федор. Поучительное явление в истории старой московской династии представляет этот последний ее царь Федор. Калитино племя, построившее Московское государство, всегда отличалось удивительным умением обрабатывать свои житейские дела, страдало фамильным избытком заботливости о земном. И это самое племя, погасая, блеснуло полным отрешением от всего земного, вымерло царем Федором Ивановичем, который, по выражению современников, всю жизнь «избывал мирской суеты и докуки, помышляя только о небесном».

Царь Феодор Иоаннович оповещает митрополита и бояр о кончине отца.

Из Александро-Невской рукописи

Польский посол Сапега так описывает Федора: «Царь мал ростом, довольно худощав, с тихим, даже подобострастным, голосом, простодушным лицом, ум имеет скудный или, как я слышал от других и заметил сам, не имеет никакого, ибо, сидя на престоле во время посольского приема, он не переставал улыбаться, любуясь то на свой скипетр, то на державу». Другой современник, швед Петрей, в своем описании Московского

государства (1608–1611) также замечает, что царь Федор от природы был почти лишен рассудка, находил удовольствие только в духовных предметах, часто бегал по церквам трезвонить в колокола и слушать обедню. Отец горько упрекал его за это, говоря, что он больше похож на пономарского, чем на царского, сына. В этих отзывах, несомненно, есть некоторое преувеличение, чувствуется доля карикатуры.

Набожная и почтительная к престолу мысль русских современников пыталась сделать из царя Федора знакомый и любимый ею образ подвижничества особого рода. Нам известно, какое значение имело и каким почетом пользовалось в Древней Руси юродство Христа ради. Юродивый, блаженный, отрешался от всех благ житейских, не только от телесных, но и от духовных удобств и приманок, почестей, славы, уважения и привязанности со стороны ближних. Мало того, он делал боевой вызов этим благам и приманкам. Нищий и бесприютный, ходя по улицам босиком, в лохмотьях, поступая не по-людски, по-уродски, говоря неподобные речи, презирая общепринятые приличия, он старался стать посмешищем для неразумных и как бы издевался над благами, которые люди любят и ценят, и над самими людьми, которые их любят и ценят.

В таком смирении до самоуничижения Древняя Русь видела практическую разработку высокой заповеди о блаженстве нищих духом, которым принадлежит Царствие Божие. Эта духовная нищета в лице юродивого являлась ходячей мирской совестью, «лицевым» в живом образе обличением людских страстей и пороков, и пользовалась в обществе большими правами, полной свободой слова. Сильные мира сего, вельможи и цари, сам Грозный, терпеливо выслушивали смелые, насмешливые или бранчивые речи блаженного уличного бродяги, не смея дотронуться до него пальцем. И царю Федору придан был русскими современниками этот привычный и любимый облик. Это был в их глазах блаженный на престоле, один из тех нищих духом, которым подобает Царство Небесное, а не земное, которых церковь так любила заносить в свои Святцы, в укор грязным помыслам и греховным поползновениям русского человека.

«Благоюродив бысть от чрева матери своея и ни о чем попечения не имея, токмо о душевном спасении», – так отзывается о Федоре близкий ко двору современник князь И. М. Катырев-Ростовский. По выражению другого современника, в царе Федоре «мнишество было с царствием соплетено без раздвоения, и одно служило украшением другому». Его называли «освятованным царем», свыше предназначенным к святости, к венцу небесному. Словом, в келье или пещере, пользуясь

выражением Карамзина, царь Федор был бы больше на месте, чем на престоле.

И в наше время царь Федор становился предметом поэтической обработки: так, ему посвящена вторая трагедия драматической трилогии графа Алексея Толстого. И здесь изображение царя Федора очень близко к его древнерусскому образу; поэт, очевидно, рисовал портрет блаженного царя с древнерусской летописной его иконы. Тонкой чертой проведена по этому портрету и наклонность к благодушной шутке, какою древнерусский блаженный смягчал свои суровые обличения. Но сквозь внешнюю набожность, какой умилялись современники в царе Федоре, у Алексея Толстого ярко проступает нравственная чуткость. Это вещий простачок, который бессознательным, таинственно озаренным чутьем умел понимать вещи, каких никогда не понять самым большим умникам. Ему грустно слышать о партийных раздорах, вражде сторонников Бориса Годунова и князя Шуйского; ему хочется дожить до того, когда все будут сторонниками лишь одной Руси, хочется помирить всех врагов, и на сомнения Годунова в возможности такой общегосударственной мировой горячо возражает: «Ни, ни!/ Ты этого, Борис, не разумеешь!/ Ты ведай там, как знаешь, государство,/ Ты в том горазд, а здесь я больше смыслю,/ Здесь надо ведать сердце человека». В другом месте он говорит тому же Годунову: «Какой я царь? Меня во всех делах/ И с толку сбить, и обмануть не трудно,/ В одном лишь только я не обманусь:/ Когда меж тем, что бело иль черно,/ Избрать я должен – яне обманусь».

Не следует выпускать из виду исторической подкладки назидательных или поэтических изображений исторического лица современниками или позднейшими писателями. Царевич Федор вырос в Александровской слободе, среди безобразия и ужасов опричнины. Рано по утрам отец, игумен шутовского слободского монастыря, посылал его на колокольню звонить к заутрене. Родившись слабосильным от начавшей прихварывать матери Анастасии Романовны, он рос безматерним сиротой в отвратительной опричной обстановке и вырос малорослым и бледнолицым недорослком, расположенным к водянке, с неровной, старчески медленной походкой от преждевременной слабости в ногах. Так описывает царя, когда ему шел 32-й год, видевший его в 1588–1589 гг. английский посол Флетчер.

В лице царя Федора династия вымирала воочию. Он вечно улыбался, но безжизненной улыбкой. Этой грустной улыбкой, как бы молившей о жалости и пощаде, царевич оборонялся от капризного отцовского гнева. Рассчитанное жалостное выражение лица со временем, особенно после страшной смерти старшего

брата, в силу привычки превратилось в невольную автоматическую гримасу, с которой Федор и вступил на престол. Под гнетом отца он потерял свою волю, но сохранил навсегда заученное выражение забитой покорности. На престоле он искал человека, который стал бы хозяином его воли: умный шурин Годунов осторожно встал на место бешеного отца.

Изображение царя Феодора Иоанновича на Царь-пушке